

Фатенко (6)

Во стольнёем городе во Киёве
У ласкова князя ю Владимира
Да было пирóваньё-столóваньё
Про многих бояр кособрюхиих,
Про тех про мещан, лю́дей добрых,
Про всех ли русьских богáтырей,
Про тех палениц преудалых.
Тут сидели две вдовы́ благочестивые
За тем ли столом за середниим,
На той же скамеечке дубовой.
Ёдна Овдотья Чусовá вдова,
Другая Маремьяна Блудовá вдова.
Посваталась Маремьяна у ей ко дочери
За любимого своёго за Фатенушка.
Обругала она у ей сына Фатенушка:
«Да муж у тебя был блудищо,
Да и сын у тя будет чудищо.
По улице ходит слепой курицей,
По подстóлью слепа куриця валяется,
Когда жёрнышко найдёт, тогда сыт живёт,
Когда жёрнышко не найдёт, тогда голодом живёт!»
Да тут-то Маремьянушке за беду встаёт,
За велику досаду показалосе.
Выходила Маремьяна из-за дубова столá,
Ступила ногой о кирпичет пол —
Пошатнулось у его гриньское царьское
(*весь дом пошатнулся!*),
Из-за стала пítья-кушанья поплескалися.
Увидал тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Маремьяна Блудовá вдовá!
Уж как же ты похóдишь рано со чеснá пирá!
Али местом тебя приюнизили,
Али цярой тебя приёбнесли?»
Говорит Маремьяна таково́ словó:
«Уж ты батюшка солнышко Владымир-князь!

Уж местом меня не обнизили,
Уж цярой меня не обнесли.
Мы сидели, две вдовы благочестивыя,
За тем за столом за середниим,
На той же скамеечке дубовой.
Ёдна была Овдотья Чусова вдова,
Друга Маремьяна Блудова вдова.
Я посваталась у Овдотьи на дочери
За любимого своего за Фатенушка.
Обругала она у меня Фатенушка:
„Да муж-то у тя был-де блудищо.
Да сын у тя чудищо:
По улице ходит слепой курицей,
По подстолью слепá куриця валяетцэ,
Когда жёрнышко найдёт, тогда сыт живёт,
Когда жёрнышко не найдёт, тогда го́лодом“».
Пошла Маремьяна вон на юлицу.
Да долго поётце, скоро сказываетце.
Да приходит Маремьяна к своему двору,
Увидал-то ей свой Фатенко-сын
Сквозь околенку хрустальную.
Выходил-то Фатенко вон на улицу,
На круто на прекрасное крылечушко,
Из рецей Фатенко выговариват:
«Уж ты ой еси, Маремьяна Блудова вдова!
Ты как же идёшь рано со чесна́ пира́!
Али местом тебя приюнизили,
Али цярой тебя приобнесли?»
(Спрашивает так же, как и Владимир.)
Говорит Маремьяна таково́ словó:
«Ох ты ой еси, любимый сын Фатенушко!
Да местом меня не онизили,
И цярой меня не ёбнесли.
Мы сидели, две вдовы благочестивыи,
За тем за столом за середниим
И на той же скамеечке дубовой,
Одна была Овдотья Чусова вдова,
Вторая была Маремьяна Блудова вдова.
Я посваталась у ей на дочери

За любимого своёго за Фатенушку,
Ёбругала она у меня Фатенушка:
„Да муж у тя был блудищо,
Да сын у тя теперь чудищо,
По улице ходит слепой курицей,
И по подстолью слепа куриця валяетцэ,
Когда жёрнышко найдет, тот день сыт живёт,
Когда жёрнышко не на́йдет, то день го́лодом!“»
Да тут-то Фатенку за бедú встаёт,
За велику досаду показалосе.
Ноги резвы его да расходилисе,
Могучи плечи его расшевелилисе,
Руки белые его да розмахалисе,
Очи ясны его помутилисе.
Да скоро выходит на конюшен двор,
Выводит себе коня доброго,
Уздаёт-седлаёт коня доброго,
Двенадцеть кладёт подпруг шёлкóвых,
Тринадцату кладёт на хребтову кость,
Не ради басы — ради крепости,
Берёт-то он с собой палицу буёвую,
Садитца Фатенко на добра́ коня,
Видели: Фатенко на коня ступил
И скоро стремяна скочил,
Да только видят: в поли куревá стоит,
Куревá стоит, дым столбом валит.
(Не мог потерпеть — поехал воевать.)
Да едет Фатенко вдоль чистым полём.
(Да скоро поётце — долго сказываетця.)
Подъезжает Фатенко ко Овдотьюшке,
Бросил он палицю буёвую,
Вскрыл у Овдотьи двор по тёсу же.
Да тут Овдотье за беду встаёт,
Говорит-то Овдотья своей дочери:
«Уж ты ой еси, моё чядо милоё!
Выйди-тко ты вон на улицу!
Не буйны́-то ветры нас сповянули,
Да вскрыли ю нас двор по тёсу же?»
Кричит-то Фатенко поединшика:

«Уж ты ой еси, Овдотья Чусовá вдовá!
Давай-ко во поле поединшика!
А не дашь во поле поединшика,
Сворочу у тя дом со днá нáверх!»
(Вверх дном, видишь, хотит повернуть дом.)
Тут-то Овдотьюшке за бедú встаёт,
За великую досаду показалосе,
Надевала на себя платье цвётноё,
Надевала шубу на ёдно плечо,
На босу ногу башмáчки-сафьян сапог,
Брала ёна с собой золотóй казны много-множества,
Пошла Овдотья вдоль по городу,
Зашла ёна к голям кабацкиим:
«Уж вы ой еси, голи большебрюхии!
(Обругала их, вишь.)
Берите казны много-множества,
Уж вы идите к Фатенку в поле поединшиком!»
На то голи-кабаки не ослышались,
Брали казны много-множества,
Пошли к Фатенку во поле поединшиком.
Фатенко едет на добры́м конé,
Они сзади его пешá идут.
Фатенко их как косой косит,
Косой-то косит да всё травой берёт,
Да всем голям смерть случилася.
Да свезал их волосы за волосы
И бросил Овдотье за óгорóд,
Да бросил он палицу буёвую,
Вскрыл у Овдотьи двор по потолóку.
(Добра не будет!)
Кричит Овдотья снова дочери:
«Вскрыл двор по потолóку!»
Тут кричит Фатенко поединщика.
Овдотьюшке за беду встаёт,
Опять надевает платье цвётноё,
[Надевала шубу на ёдно плечо,
На босу ногу башмáчки-сафьян сапог,
И брала ёна с собой золотой казны много-множества,]
И пошла Овдотья вдоль по городу...

Бросил палицу буёвую,
Вскрыл двор по ёкошкам же.
Тут-то Овдотьюшке за беду встаёт,
Опять просит Фатенко поединщика:
«Давай-ко мне в [поле] поединщика,
А не д[ашь во поле поединщик]а,
Сворочу ю тя дом со дна́ на́верх же!»
Да было у Овдотьи семь сынóв,
Написала она письмецько,
Отослала она семи сынам,
Да штоб ехали к Фатенку в поли поединшичком.
Отписали дети ей тогда письмо:
«Не едем мы Фатенку в поле поединшичком —
Потеряем мы свои буйны гóловы
За ту же за жопу всё за бабью жо».
Тут-то Овдотье за беду встаёт,
За велику досаду показалосе,
Да тут-то Овдотья расплакалась,
Из рецей Овдотья выговариват:
«Цем мне-ка было спородить семь сынов,
Лучше бы я спородила восемь камешков
И бросила камешки в синё морё,
Да сделала бы кошечки подбойные,
Розбивала-розгребала чёрны кáрабли!»
Не могла она отбиться от Фатенушка,
Ётдала она свою дочь за Фатёнку замуж.

(Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска Ненецкий нац. округ — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.